-БОРИС СОРОКИН-

-КРОВЬ МІРА-

Стихотворения о войне.

— 1915-16 г. —

БОРИСЪ СОРОКИНЪ.

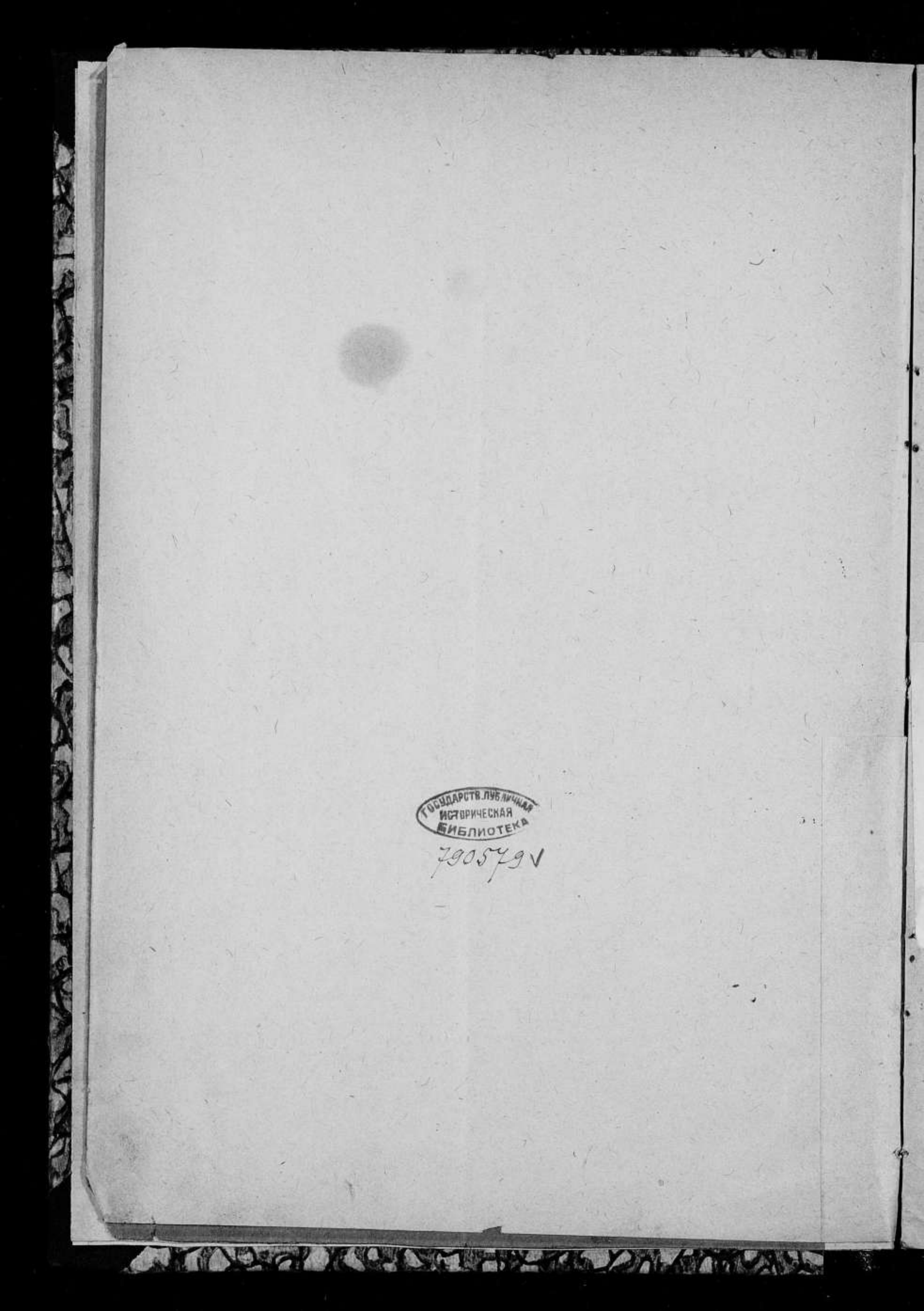
„Кровь міра".

(Стихи о войнѣ 1915—16 г.).

I.

ПЕНЗА.
Типо-литографія Совѣта Р. и К. Д. (бывш. „Единеніе")
1918.

Маріи В-ой, чье сердце освѣщало мнѣ мой трудный, кровавый путь—посвящаю эти стихи, рожденные въ судоржныхъ мукахъ міровой бойни.

Борисъ Сорокинъ.

Тьма.

Я тѣломъ въ битвѣ— душа въ раю...
Я тѣломъ звѣрь, а духъ у Бога...
Какъ оправдаю и пойму
Тебя кровавая дорога?

Убійца я—а церковь славитъ...
На моихъ рукахъ алѣетъ кровь...
Но кто пойметъ и сопоставитъ
Христа, Убійство и Любовь?

Въ моей душѣ мятутся стоны,
Сожрали вихри свѣтлый миръ...
Звенитъ набатъ. . несутся звоны...
И я въ тебѣ кровавый пиръ!

Я тѣломъ въ битвѣ—душа въ раю...
Я тѣломъ звѣрь, а духъ у Бога.
Какъ оправдаю и пойму
Тебя кровавая дорога?

Позиція—1916 годъ.

Рабъ.

Я снова рабъ, я снова тать,
Томлюсь въ кровавой, тяжкой мукѣ...

И не хочу я поднимать
Къ Тебѣ тоскующія руки.

Не хочетъ сердце больше знать,
Всю тайну алыхъ откровеній...

Устало вѣрить и страдать
Въ кругу таинственныхъ Мистерій.

Въ разбитой деревнѣ—1916 годъ.

Тоска.

И жить такъ хочется, на заряхъ передъ боемъ!...
И Богъ въ душѣ живетъ послѣднiй часъ...
И небо синее, какъ мудрый глазъ,
Синѣетъ радостнымъ покоемъ.

И жить такъ хочется, на заряхъ передъ боемъ!
И душу жретъ тоскующiй огонь...
Впередъ, на смерть, съ безумнымъ воемъ!...
Стучи копытомъ,—Блѣдный Конь...

1915 годъ.

Каинъ.

Церковь крестомъ осѣнила позоръ!...
Я брата убившій въ радостный часъ...
Бреду по землѣ, торопливо, какъ воръ,
И стучусь въ запертыя, вечернія двери...

Каинъ я—брата убившій,
Съ тоскою заплаканныхъ глазъ.

Дымомъ кадильнымъ славили битвы!...
Нѣтъ мнѣ покою—убійца и тать...
Въ сердцѣ печально слагая молитвы,
Бросаю въ тревогѣ небу и водамъ:

Каинъ я—Богомъ проклятый —
Крестомъ осѣненный на битвы!...

Послѣ боя—окопы—1915 годъ.

Кровавые вихри.

Что это Господи?
Твои-ли гнѣвы по землѣ,
Кровавымъ вихремъ закружились?...
Или въ людяхъ, въ ихъ глубинѣ,
Ключи святые замутились?...

И можетъ быть проснулся Звѣрь,
Земныя силы забродили?
И люди кровью, здѣсь, теперь,
Къ другимъ врагамъ пути раскрыли?

Кто опровдаетъ кровь людей?...
Что за убійство петля, рай?...
Что скажемъ сердцу матерей,
И будетъ новымъ нашъ-ли край?

Пошли Господь ты мнѣ отвѣтъ:
Я въ бурѣ самъ, но кто-же я?
Святой, убійца, ужасъ, свѣтъ,
Иль рабъ въ пучинахъ бытія?..

Позиція—1915 годъ.

* * *

Все корчится въ распятіи вокругъ...
Къ огромному кресту тѣла прибиты.
Распято все... Въ провалы мукъ —
Летитъ планета со своей орбиты.

Несутся дни подъ пляску бѣга...
Голгофа страшная устала отъ могилъ.
Въ крови и Альфа и Омега...
Кружатся сонмы алыхъ силъ...

Дер. Коллодій—1916 годъ.

Позоръ.

Звенитъ и плещетъ тамъ война —
Но развѣ нѣтъ цѣны людямъ?
И развѣ алая земля
Нужна грядущимъ свѣтлымъ днямъ?

Вѣка прошли, но міръ все рабъ,
И звѣрь по-прежнему живетъ...
И межъ его кровавыхъ лапъ
Цвѣтокъ кровавый все растетъ.

Песокъ исчислили земной,
Взметнули къ солнцу корабли...
Но свой позоръ, позоръ людской,
Изгнать изъ тѣла не могли.

И звѣрь живетъ... Цвѣты цвѣтутъ
Кровавымъ пламенемъ въ сердцахъ,
Ладьи съ тѣлами все плывутъ,
И души бродятъ на поляхъ.

Лазаретъ—1916 годъ.

Въ разбитомъ костелѣ.

Подъ разбитые своды костела,
Мы пришли помолиться, въ грязи и крови...
Было тихо надъ грудой камней, и у входа
Ликъ Христа, избитый свинцомъ, валялся въ пыли...

И раны ныли въ нашей душѣ...
Опустивъ на колѣни тѣло, шептали:
—„Снова видимъ тебя мы Христосъ на крестѣ,
И кровью людей души свои запятнали!..“

Мы подъ сводомъ костела стояли,
И шептали обрывки печальной молитвы...
Скорбныя бури, душу качая взметали...
Мы молились подъ грохотъ рокочущей битвы.

Въ окна дырявыя вѣтры входили,
Гнѣвно выли въ камняхъ печальную мессу...
За души убитыхъ на колѣняхъ—Бога молили,
За кровь, за пожары, поля—Святую Принцессу.

Долго молились въ грязи и крови,
Опустивъ на колѣни усталое тѣло...
Лобызали каменья, и уходили въ пыли,
Совершать кровавое, жуткое дѣло.

Позиція—1915 годъ.

* * *

Какъ мыши мы въ ходахъ нарытыхъ...
Тараны буйныя бьютъ землю всѣ часы...
Качаются кровавые Вѣсы—
И чаши движутся живыхъ, убитыхъ.

За нами въ переплетѣ тропъ,
Дымятъ деревни объятыя огнемъ...
Костелъ разбитый, бѣлый гробъ,
До ранъ искусанъ въ злобѣ жуткимъ псомъ.

При тускломъ всходѣ раннихъ зорь,
Молитвы шлемъ святому праху бѣлыхъ стѣнъ.
И ало бьется въ сердце боль...
Тараны бьютъ... Гремитъ цѣпями тяжкій плѣнъ.

Окопы - 1916 годъ.

Голоса атакъ.

И мѣднымъ голосомъ печальная труба,
Печально звуки въ полѣ раскидала—

Зовя въ кровавый кругъ...

Неумолимая судьба,
Сердца весеннія распяла..

. . . .

Зачѣмъ молчишь, далекій другъ?..

Передъ наступленіемъ—1916 годъ.

* * *

Я тѣломъ въ сонмѣ русскихъ ратей,
А гдѣ душа—не знаю я?...
Въ кругу, среди своихъ собратій,
Я не нашелъ еще ея.

Мы кровь прольемъ лишь только тѣломъ,
Душа уйдетъ, и будетъ Звѣрь
Жить въ тѣлѣ яростнымъ напѣвомъ,
Стучаться въ запертую дверь...

Убьемъ, разрушимъ... Взвоетъ пламя...
Пожаръ кроваво загудитъ...
Зачѣмъ душа подъ это знамя,
На крыльяхъ свѣтлыхъ прилетитъ?

И зачѣмъ въ звѣриныя тѣла,
Придетъ душа изъ кущи рая?..
Запачкать перья у крыла—
Въ крови тоскующаго края.

Я тѣломъ въ сонмѣ русскихъ ратей,

А гдѣ душа, не знаю я?

Въ крови людской, и въ крикахъ братій,
Я не нашелъ еще ея...

1916 годъ.

* * *

По дорогамъ печально брели,
Умирали кроваво закаты...
Крыльями вѣтры мели,
Глухо урчали раскаты.

Сѣрой змѣею ползли,
По темнымъ изгибамъ дороги...
Въ сердцѣ родное несли—
О домѣ заботу, тревоги.

Въ душахъ лежали полосья,
Вѣтры плескались въ сердцахъ...
Въ глубинахъ качались колосья,
Ржи золотой на межахъ.

Къ новому алому полю,
Бредемъ торопливо, какъ тати...
Навстрѣчу вселенскому горю—
Движемся пахарей рати.

Дорога—1916 годъ.

Судорги.

Въ поляхъ, измятыхъ и изрытыхъ,
Живетъ тоска, цвѣтетъ печаль...
Закрыта дымомъ тускло даль,
Клокочетъ злоба въ нѣдрахъ скрытыхъ.
Лежатъ Распятья на дорогахъ,
Качаютъ вихри пепелъ селъ...
Зачѣмъ сюда я самъ зашелъ
Въ душевныхъ судоргахъ, тревогахъ?

Окопы—1916 годъ.

* * *

На смѣну днямъ— бѣжали ночи,
И дни вставали, гасли вновь...
Съ кровавыхъ зорь и до полночи,
Все бились мы, все лили кровь!..

Лежали трупы на болотѣ,
Бродили души по кустамъ...
Зачѣмъ сходить сюда заботѣ?
Бѣжала смерть „туда“ и къ намъ.

Бродилъ кровавый призракъ въ тѣлѣ...
И стлался дымъ, катился звукъ...
Мы помянуть Христа не смѣли,
Влача въ душѣ колодезь мукъ.

Окопы—1915 г.

* * *

Пожаръ клокучущихъ глубинъ,
И сѣмя Дьявола и мрака..
Мятежъ кровавый, буйный сынъ,
Рожденный въ аломъ чревѣ злака.
Все разлилось, все дало всходы...
На пеплѣ селъ—цвѣты костей,
И въ алый годъ земной невзгоды,
Нѣтъ Истинъ старыхъ для людей.
Законъ клыка, зубовъ, когтей,
Паритъ въ безумныхъ вспышкахъ битвы.
Потоки злобные ключей
Изъ сердца смыли всѣ молитвы.
Пожаръ клокочущихъ глубинъ
Взметнулся вспышкой красной гнѣва...
Мятежъ кровавый, мести сынъ,
Родился въ злакѣ буйномъ сѣва.

Позиція—1915 г.

* * *

Здѣсь Дьяволъ пролетѣлъ и огненнымъ мечомъ,
Спалилъ, разрушилъ трудъ людей...
Свистящимъ въ воздухѣ бичемъ,
Исполсовалъ хлѣба полей.

Здѣсь Дьяволъ пролетѣлъ, во тьмѣ блуждая,
Промчался на коняхъ гремя...
Давя людей и разливая,
Потоки страшные огня.

Кровавый бичъ промчался по землѣ—
Оставивъ камни, пепелъ, мракъ...
Дьяволъ въ злобѣ и тоскѣ
Начертилъ кровавый знакъ.

1916 годъ.

* * *

Въ моей душѣ мерцаютъ свѣчи
Что рати мнѣ свои, другія!..
Гремятъ, зовутъ, куда-то рѣчи—
Но всѣ вокругъ меня чужія.

Инымъ молюсь я ликамъ вѣчнымъ:
Скрижалямъ свѣтлымъ: „Не убій!"—
Иду душой путемъ я млечнымъ—
И не бунтуетъ въ сердцѣ змій.

И я одинъ среди мечей...
Что рати мнѣ—свои, чужія!
Вездѣ я вижу лишь людей,
И въ душахъ бури огневыя.

Въ своихъ, въ чужихъ я вижу брата,
На всѣхъ кресты, на всѣхъ печаль...
Я вижу кровь въ лучахъ заката,
И въ сердцѣ клинокъ свѣтлый—сталь.

Я только тѣломъ въ общемъ крикѣ...
Своей душой у ногъ скрижалей.
Сіяютъ свѣтомъ прежнимъ лики,
Сквозь кровь и стонъ людскихъ печалей.

Окопы—1916 годъ.

* * *

Теперь другой я пахарь въ полѣ,
Другая жатва у меня...
Я только жну въ кровавомъ горѣ,—
Не проситъ сѣва ужъ земля.

Я пахарь новый, въ новомъ полѣ...
Страшнѣе нѣтъ живыхъ полей...
Не сѣять мирно въ Божьемъ словѣ,
А жизнь брать лишь у людей.

Я мирный пахарь сѣрыхъ ратей...
Вѣдь вся земля—едино поле...
Зачѣмъ у насъ, у всѣхъ собратій,
Не трудъ въ душѣ, а кровь и горѣ?

И мы бросаемъ изъ кошницы,
Пустыя зерна—злобы сѣмя...
Изъ Божьихъ книгъ, съ грозой страницы,
Бушуя кажетъ, грозно время.

. . . .

Теперь другой я пахарь въ полѣ...
Другая жатва у меня...
Я только жну въ кровавомъ горѣ,
Не проситъ сѣва ужъ земля.

1915 годъ.

* * *

Небо далекое, тускло—безъ Бога...
Люди за нами--позорно молчатъ.
Камни!—скажите вы слово...
—Алая бьется тревога...
Небо далекое, тускло—безъ Бога...
—„Господи, Господи, гдѣ-же отвѣтъ?..
—Ты молчишь, Ты безмолвенъ!..
И вьется кроваво дорога.

1916 годъ

ИЗДАНІЕ АВТОРА.

ПЕНЗА.